Маяковский-революционер, будут знаменовать собой величайшую эпоху человеческой истории» [5, с. 407—408].

Вторая попытка проникнуть в «экзистенцию» Маяковского, обратившись одновременно к его жизни и творчеству, была предпринята Ю. Карабчиевским в середине 80-х гг. Он также подчеркивал двойственность Маяковского, вкладывая в это понятие совсем иной смысл. По мнению автора книги «Воскресение Маяковского», с «двойной моралью» оказываются связаны основные мотивы творчества поэта: «От обиды к ненависти, от жалобы к мести, от боли — к насилию. Только между двумя этими полюсами качается маятник стихов Маяковского» [6, с. 12]. Ю. Карабчиевский то пытался раскрыть своеобразие внутреннего мира Маяковского, обращаясь к его стихам, то объявлял их «сконструированными», решительно противопоставляя чувствам и реальной личности поэта (оценка его книги дана в работах [7, 8]). Дело же все в том, что для Маяковского, как и для всех истинных романтиков,— «Жизнь и Поэзия одно». Но в стихах образно-поэтический вымысел позволяет воспроизвести реально пережитое с особой силой, доступной только искусству. Этот общий эстетический закон обретает в романтической лирике особую значимость.

Поэзия раннего Маяковского открыто трагедийна, о чем у нас на протяжении десятилетий писать считалось неуместным. Каковы же основные мотивы его дооктябрьского творчества? Это — бездомность, неприкаянность, одиночество в мире и космосе, тяга к людям, демосу, улице и невозможность слиться с ними, страстная жажда жизни, действия, бунтарство и героический пафос, ощущение своей неизбывной «вины», жертвенность, трагическая любовь к женщине и настойчивая мысль о самоубийстве.

Сосредоточим свое внимание на двух последних мотивах, поскольку они особенно важны для потаенного «я» Маяковского [4]. Но прежде укажем на одну существенную особенность раннего творчества. Если в лирике и юношеской трагедии выразилась преимущественно любовь к униженным и оскорбленным, отчасти роднящая его с Достоевским и отличающая от него (поэт-бунтарь не обладал духом христианского всепрощения), то в поэмах этой поры с огромной силой раскрывалось испытание любовью к женщине. Постараемся показать, что именно это испытание на протяжении всей недолгой жизни поэта было для него самым мучительным и трудным.

Тайна, ключ к которой ищут чаще всего в его отношениях с Л. Ю. Брик, сложнее, глубже, драматичней. На протяжении десятилетий длится нескончаемый спор о роли Л. Ю. Брик в жизни и судьбе поэта. Одни считают ее «роковой женщиной», «злым демоном», главной виновницей его гибели. Другие полагают, что интимная, а позже дружеская близость с нею во многом охраняла Маяковского, отводила от трагического конца. В последние годы появилась еще одна, все настойчивее распространяемая версия, согласно которой Маяковский был убит чекистами при участии О. М. и Л. Ю. Брик [5].

Не вдаваясь в подробности, замечу, что пишущие о любви Маяковского не уделяют, на мой взгляд, должного внимания тому, что предшествовало его знакомству с Л. Ю. Брик [6]. А между тем сопоставление этих фактов и их осмысление может в значительной мере прояснить трагедию Маяковского в целом и особый (загадочный для многих) характер его отношений с Л. Ю. Брик в частности. Осенью 1913 г. (т. е. почти за два года до встречи с Л. Ю. Брик) Маяковский познакомился с Софьей Сергеевной Шамардиной (1894—1980), приехавшей из Минска в Петербург учиться на Бестужевских курсах. Воспоминания Шамардиной, написанные в 1947 г. и адресованные Л. Брик, хранятся в ЦГАЛИ

[4] «К Маяковскому, как, быть может, ни к кому другому,— справедливо заметил Ю. Карабчиевский,— применим психоаналитический ключ» [6, с. 91].

[5] Эта версия особенно широко и настойчиво утверждается в статьях В. Скорятина («Журналист». М., 1989. № 9, 1990, № 1, 2, 5, 1992, № 5—6). С ним полемизируют А. Валюженич и Б. Янгфельдт («Журналист». М., 1991; № 6).

[6] Этот недостаток присущ и книге Ал. Михайлова [9].